

НОМИНАЦИЯ ЛЕСНОГО ЛАНДШАФТА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ракин Анатолий Николаевич,

*доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка
Института языка, литературы и истории
ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»
(г. Сыктывкар, РФ), anatolij.rakin@mail.ru*

Введение. В статье рассматриваются обозначения лесного ландшафта в коми-пермяцком языке как отдельная микросистема в составе ландшафтной лексики суши, имеющая собственную структурную организацию, обладающая определенным составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения конкретным набором лексических средств. Цель работы состоит в установлении системных признаков, присущих только этой категории обозначений и отличающих ее от других компонентов лексики суши, определении состава исследуемой группы названий, проведении систематизации данной микросистемы и выявлении истоков и основных этапов ее формирования и развития.

Материалы и методы. Основным источником фактического материала послужил словарный фонд коми-пермяцкого языка, содержащийся в лексикографических изданиях. Дополнительные данные получены в результате опроса некоторых носителей коми-пермяцкого языка по специально созданному для этого вопроснику. В работе использовались сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный, описательный и статистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного лингвистического анализа представлена система номинации лесного ландшафта в коми-пермяцком языке. Установлено, что на семантическом уровне среди номинативных единиц различаются однозначные и многозначные названия, которые, как правило, обладают прямым значением. Исходя из предметно-понятийного содержания вся совокупность обозначений, в соответствии с денотативными признаками, классифицирована по шести основным подгруппам. Исконный фонд рассматриваемой микросистемы характеризуется наличием всех четырех компонентов древней лексики: допермского, общепермского, пракоми и собственно-коми-пермяцкого. Часть исконной лексики, возникшая в период самостоятельного существования коми-пермяцкого языка и не имеющая генетических соответствий в других родственных языках, проанализирована с учетом особенностей структурно-словообразовательной системы. В качестве критерия классификации для одночленных лексем в работе использована производность или не производность слов, а для составных названий – принадлежность их компонентов к соответствующим частям речи. Иноязычная группа коми-пермяцких названий лесного ландшафта состоит из одного типа заимствований.

Заключение. Лексика лесного ландшафта коми-пермяцкого языка имеет древние истоки, ее формирование и развитие протекали на протяжении многих тысячелетий на основе внутренних ресурсов. Пополнение заимствованиями происходило в поздние периоды существования коми-пермяцкого языка в результате проникновения соответствующего количества слов из русского литературного языка и его северных народных говоров.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; лексика; обозначения лесного ландшафта; исконный фонд; заимствования.

Для цитирования: Ракин А. Н. Номинация лесного ландшафта в коми-пермяцком языке // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 20–28.

Введение

Работа является первым опытом системного анализа и описания обозначений лесного ландшафта в коми-пермяцком языке. По своему субстанциональному признаку предмет данного исследования относится к ландшафтной лексике суши, где благодаря внутрисистемным показателям (состав объектов номинации и предназначенный для этого набор лексических средств, происхождение и т. д.) представляет собой отдельную структурную единицу.

Обзор литературы

Изучение ландшафтной лексики в пермских языках началось совсем недавно. К настоящему времени по данной теме опубликовано несколько статей, из них коми-пермяцкому языку посвящена лишь одна работа [3]. В ней анализируется гидроландшафтная лексика исследуемого языка, состоящая из двух основных категорий номинативных единиц. Одна из них является системообразующей, или доминантной, и включает обозначения основных

типов водных объектов данной территории. Названия второй группы сосредоточены вокруг доминантных и выступают по отношению к ним внутрисистемными образованиями. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что технология разработки этой темы может быть использована на материале других языков. Она была создана автором для подготовки аналогичной статьи по коми-зырянскому языку [4].

Материалы и методы

Основным источником фактического материала послужил словарный фонд коми-пермяцкого литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях (КПРС; КПРС–РКПС; Рогов, 2006¹). Дополнительные данные получены в результате опроса некоторых носителей коми-пермяцкого языка по специально созданному для этого вопроснику. Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми-зырянского и удмуртского языков (КРК; РКС; УРС; РУС). Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников (КЭСКЯ; Rédei, 1988; Uotila, 1938; Wichmann, 1923–1924). Состав названий иноязычного происхождения и их источники устанавливаются с помощью слов, выявленных из соответствующей литературы по русскому языку (Даль; СРНГ; СРЯ). В работе использовались сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный, описательный и статистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Корпус названий лесного ландшафта коми-пермяцкого литературного языка состоит из 118 лексических единиц, относящихся к 62 объектам номинации. Что касается слов ограниченной сферы употребления, в том числе диалектных, в работе рассматриваются лишь те из них, которые включены в нормативные словари коми-пермяц-

кого языка, например, такие как *березник* разг. ‘березник’ (КПРС, с. 24), *егыр* сев. ‘болотистый лес’ (КПРС, с. 135), *корёс* Рог. усол. ‘лист’ (КПРС, с. 185), *кõзъя* ош. коч. ‘ельник’ (КПРС, с. 191), *кыдзза* ош. ‘березняк’ (КПРС, с. 209), *летõрõс* сев. ‘поросль’ (КПРС, с. 221).

По своему семантическому содержанию анализируемая группа обозначений лесного ландшафта неоднородна, она состоит из моносемантических и полисемантических названий. Подавляющее большинство слов в данной сфере имеет одно ландшафтное значение и указывает на один объект номинации: *вõр* ‘лес’ (КПРС, с. 83), *вõрдор* ‘опушка леса’ (КПРС, с. 183), *выскыр* ‘валежник’ (КПРС, с. 93), *дын* ‘комель’ (КПРС, с. 138), *кач* ‘кора’ (КПРС, с. 167), *лыска* *вõр* ‘хвойный лес’ (КПРС, с. 234), *нитти* ‘мох’ (КПРС, с. 275), *пу* ‘дерево’ (КПРС, с. 382), *рас* ‘роща’ (КПРС, с. 400), *сора* *вõр* ‘смешанный лес’ (КПРС, с. 441), *чаль* ‘ветка’ (КПРС, с. 525) и т. д. Группа полисемантических обозначений, обладающих несколькими значениями и относящихся к двум и более объектам номинации, многочисленна и состоит из пяти номинативных единиц: *лыс* 1) ‘хвоя’ (КПРС, с. 233), 2) ‘игла (хвои)’ (КПРС–РКПС, с. 188); *парма* 1) ‘густой лес’ (КПРС, с. 324), 2) ‘девственный лес’ (КПРС, с. 324), 3) ‘ельник на высоком месте’ (КПРС–РКПС, с. 102); *поснит* *вõр* 1) ‘мелколесье’, 2) ‘подлесок’ (КПРС–РКПС, с. 225); *яг* 1) ‘молодой сосняк’ (КПРС, с. 592), 2) ‘сосняк без подлеска’, 3) ‘пихтовый лес’ (КПРС, с. 592), 4) ‘бор’ (КПРС–РКПС, с. 148) и т. д.

Семантическое содержание обозначений лесного ландшафта коми-пермяцкого языка свидетельствует, что среди них лишь одно название обладает переносным значением: *югытин* перен. ‘опушка; поляна в лесу’ (КПРС, с. 589), все остальные слова имеют прямое значение и непосредственно связаны с обозначаемыми реалиями.

Предметно-понятийное содержание анализируемых слов и словосочетаний представляет собой определенную систему, которая позволяет всю совокупность номинативных единиц распределить по различным категориям.

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на словари в соответствии со списком условных сокращений.

1. Название *леса* (**вообще**). В современном коми-пермяцком языке, как и в коми-зырянском, понятие леса выражается исконным словом *вӧр* (КПРС, с. 83; КРК, с. 121; РКС, с. 391), восходящим к прафинно-угорскому **were* ‘гора’ (Rédei, 1988, с. 571) и сохранившимся в некоторых современных финно-угорских языках с первоначальным значением, например в финском *vuori* ‘гора’, в мансийском *ur* ‘горный хребет’. Семантическая трансформация древнего слова в коми языках, видимо, произошла следующим образом: ф.-у. **were* ‘гора’ (Rédei, с. 571) > общеп. **vjr* ‘возвышенность, покрытая лесом’ (КЭСКЯ, с. 67) > кз. кп. *вӧр* ‘лес’ (КПРС, с. 83; КРК, с. 121). Одной из причин данного явления, вероятно, послужило проникновение из русского языка в словарный состав коми языков слова *гӧра* ‘гора’ (КПРС, с. 106; КРК, с. 154), которое в этом значении получило повсеместное употребление вместо древнего исконного названия. В удмуртском языке такое изменение не произошло, там до сих пор данный ландшафтный объект обозначается исконным *гурезь* ‘гора’ (УРС, с. 173), а вместо слова *вӧр* употребляются *нюлэс* ‘лес’ (УРС, с. 472), *сик* ‘лес’ (УРС, с. 597), *тэль* ‘лес’ (УРС, с. 676), которые этимологически не связаны с коми названиями.

2. Названия ярусов леса и их составных частей: *пу* ‘дерево’, *ствол* ‘ствол’, *пу йыв* ‘верхушка дерева’, *дын* ‘комель’, *вуж* ‘корень’, *чаль* ‘ветка’, *ув* ‘сук’, *лыс* ‘хвоя’, *кор* ‘листья’, *нитти* ‘мох’, *пу нитти* ‘лишайник’, *шаття-баддя* ‘кустарник’, *поснит вӧр* ‘подлесок’, *пиян* ‘поросль’, *выскыр* ‘валежник’ и т. д.

3. Обозначения лесных типов: *парма вӧр* ‘тайга’, *лыска вӧр* ‘хвойный лес’, *корья вӧр* ‘лиственный лес’, *рас* ‘роща’ и т. д.

4. Обозначения растительных сообществ с преобладанием соответствующих древесных или кустарниковых пород: *кӧзья места* ‘место с преобладанием ели’, *кыдззаин* ‘березовый лес’, *лиственница вӧр* ‘лиственничный лес’, *ловпу рас* ‘ольховник’, *льӧмпуасьник* ‘черемушник’, *нинпуасьник* ‘липовая роща’, *нывьва места* ‘пихтовник’, *пипуаин* ‘осинник’, *пожумаин* ‘сосняк’, *ря-*

бинник ‘рябинник’, *сыспу вӧр* ‘кедровник’ и т. д.

5. Названия, характеризующие объекты номинации по месту произрастания и его почвенным особенностям: *егыр* ‘болотистый лес’, *оль* ‘согра (березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)’, *парма* ‘ельник на высоком метсе’, *согра вӧр* ‘заболоченный лес’ и т. д.

6. Названия, обозначающие какие-либо качественные или количественные признаки объекта номинации: *вӧрзьӧттӧм вӧр* ‘девственный лес’, *дзиб* ‘густой лес’, *конда вӧр* ‘кондовый лес’, *кӧс вӧр* ‘сухостой’, *ляпыт вӧр* ‘низкорослый лес’, *пемыт вӧр* ‘дремучий лес’, *поснит вӧр* ‘мелколесье’, *сук вӧр* ‘густой лес’, *учӧт вӧр* ‘мелколесье’, *шоч вӧр* ‘редколесье’ и т. д.

В составе лексики лесного ландшафта коми-пермяцкого языка подавляющее большинство номинативных единиц принадлежит исконному фонду словарного состава. Среди них различаются слова древнего происхождения и поздние образования, возникшие при самостоятельной жизни коми-пермяцкого языка, не имеющие в отличие от первых соответствий в родственных языках. Как и в других разрядах ландшафтной лексики, здесь древний компонент состоит из слов допермского, общепермского и пракоми происхождения.

Группа слов допермского периода представлена названиями, унаследованными из уральского, финно-угорского и финно-пермского праязыков.

К числу слов, возникших в прауральском языке, просуществовавшем до 4-го тыс. до н. э. [2, с. 409], относятся следующие:

вуж ‘корень’ (КПРС, с. 87), кз. *уж* ‘корень’ (КРК, с. 126), удм. *выжы* ‘корень’ (УРС, с. 149) < общеп. **vižz* ‘корень’ (КЭСКЯ, с. 70). Приводятся соответствия из марийского, ненецкого, селькупского и камасинского языков; ур. **wačz ~ wančz* ‘корень’ (Rédei, 1988, с. 548);

нитти ‘мох’ (КПРС, с. 275), кз. *нитти* ‘мох’ (КРК, с. 433). В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует. Общепермская праформа не реконструируется (КЭСКЯ, с. 193). Коми

слова сопоставляются только с самодийскими (ненецкими и энецкими) примерами; ур. **n'uč(k)z* 'лишайник, мох' (Rédei, 1988, с. 326);

ny 'дерево' (КПРС, с. 382), кз. *ny* 'дерево' (КРК, с. 536), удм. *ny* 'дерево' (УРС, с. 552) < общеп. **pi* 'дерево' (КЭСЛЯ, с. 240). Приводятся марийское, финское, мансийское, венгерское, селькупское и камасинское соответствия; ур. **piwe* 'дерево' (Rédei, 1988, с. 400).

Группа обозначений прафинно-угорского периода – начало 4-го – конец 3-го тыс. до н. э. [2, с. 424] – состоит из следующих слов:

vör 'лес' (КПРС, с. 83), кз. *vör* 'лес' (КРК, с. 121), удм. *выр* 'бугор, холм, вершина' (УРС, с. 154) < общеп. **vör* 'возвышенность, покрытая лесом' (КЭСЛЯ, с. 67). Сопоставляются с финским, хантыйским, мансийским и венгерским примерами; ф.-у. **wgre (wore)* 'гора' (Rédei, 1988, с. 751). В коми языках произошло изменение исходного значения этого древнего слова (см. выше);

dyn 'комель' (КПРС, с. 133), кз. *din* 'комель' (КРК, с. 188), удм. *дйнь* 'комель' (УРС, с. 184) < общеп. **dij* 'комель' (КЭСЛЯ, с. 94). Сопоставляются с финскими, эстонскими, марийскими, хантыйскими и венгерскими примерами; ф.-у. **tiŋe (tiŋe)* 'комель, толстый конец дерева' (Rédei, 1988, с. 523);

egyr сев. 'болотистый лес' (КПРС, с. 135), кз. *егыр* 'заболоченный лес (гл. обр. сосновый)' (КРК, с. 207). В удмуртском языке соответствие отсутствует. Общепермская праформа не реконструируется (КЭСЛЯ, с. 99). Сопоставляются с саамскими, хантыйскими и мансийскими примерами; ф.-у. **jänkä* 'трясина, болото' (Rédei, 1988, с. 93);

kač 'кора' (КПРС, с. 167), кз. *кач* 'кора дерева (преим. пихты)' (КРК, с. 264). В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует. Общепермская праформа не реконструируется (КЭСЛЯ, с. 119). Коми слова сопоставляются с примерами из финского, эстонского, хантыйского и венгерского языков; ф.-у. **kon'c'kz (koc'kz)* 'лыко, древесная кора' (Rédei, 1988, с. 179);

kor 'листья' (КПРС, с. 185), кз. *кор* 'лист' (КРК, с. 291), удм. *куар* 'лист' (УРС, с. 337) < общеп. **kwor* 'лист' (КЭСЛЯ, с. 133). Приводятся примеры из финского, эстонского, саамского и венгерского языков; ф.-у. **korz* 'лист' (Rédei, 1988, с. 187);

ponulla 'хвойная поросль, ельник' (КПРС, с. 357), кз. *поноль* 'хвойная поросль, молодая ёлка' (КРК, с. 514), удм. *пумель* 'поросль, молодое дерево' (УРС, с. 558) < общеп. **ponel* (КЭСЛЯ, с. 225). Сопоставляется с марийскими и венгерскими примерами; ф.-у. **pšnz* 'ель' (Rédei, 1988, с. 416);

tällyä, tällyin 'ельник' (КПРС, с. 502), кз. *тіль* 'болотистое место с низкорослым мелким лесом; густые заросли, чаща' (КРК, с. 641), удм. *тэль* 'лес', диал. 'мелкий лес; подлесок; поросль' (УРС, с. 676) < общеп. **tel* 'густой подлесок, заросли леса'. Приводится в качестве генетического соответствия венгерский пример; ф.-у. **tšl'z-* (КЭСЛЯ, с. 279);

яг 'молодой сосняк; пихтовый лес; бор' (КПРС, с. 592), кз. *яг* 'сосновый лес, сосновый бор, сосняк' (КРК, с. 782), удм. *яг* 'бор' (УРС, с. 820) < общеп. **jag* 'бор' (КЭСЛЯ, с. 337). В качестве дальнеродственного соответствия приводятся примеры из хантыйского языка; ф.-у. **jakkz* 'сосновый лес, еловый лес' (Rédei, 1988, с. 88).

Существование финно-пермского праязыка приурочивают к периоду с конца 3-го до середины 2-го тыс. до н. э. [2, с. 433]. К данной группе древних слов относятся:

вож 'ответвление, отросток, побег' (КПРС, с. 77), кз. *вож* 'ответвление, отросток; отпрыск, побег, ветка' (КРК, с. 109) < общеп. **vož* (КЭСЛЯ, с. 60). В удмуртском языке нет генетического соответствия. Допермская этимология выводится путем сопоставления с марийским и мордовскими (эрзя и мокша) примерами; ф.-п. **woša* 'разветвление' (Rédei, 1988, с. 825);

лыс 'хвоя' (КПРС, с. 233), кз. *лыс* 'хвоя' (КРК, с. 750), удм. *лыс* 'хвоя, ветка' (УРС, с. 409) < общеп. **lūs* 'хвоя' (КЭСЛЯ, с. 164). Слова пермских языков сопоставляются с марийским примером; ф.-п. **liskz (lüskz), *liksz (lüksz)* 'игла (лист), ветка хвойного дерева' (Rédei, 1988, с. 691);

ув 'сук; ветвь, ветка' (КПРС, с. 505), кз. ув 'сук; ветка, ветвь' (КРК, с. 679), удм. ул 'сук' (УРС, с. 689) < общеп. *ul 'сук' (КЭСЯ, с. 295). Дальнеродственные примеры приводятся из мордовских языков; ф.-п. *elz 'сук, ветвь' (Rédei, 1988, с. 624).

Ландшафтная лексика общепермского происхождения унаследована из прапермского языка, возникшего в результате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со 2-го тыс. до н. э. до VIII в. н. э. [6, с. 49]. Обозначения данной диахронической группы употребляются только в современных пермских языках. Из числа коми-пермяцких названий лесного ландшафта сюда относится лишь один пример:

чаль 'ветка' (КПРС, с. 525), кз. чаль 'ветка' (КРК, с. 695). В КЭСЯ данное ландшафтное название этимологически связывается с такими однокоренными образованиями, как кз. чалес 'отруби, остающиеся при переработке ячменя на крупу', чальлыны 'обрубать, снимать', кп. чальдотны 'сколоть, отколоть', удм. чальтыны 'отлетать (о щепке), колотья, отскакивать, отойти'. На основе данных сопоставлений реконструируется общепермская праформа *č'al* 'отделить, отколоть, отщепить' (КЭСЯ, с. 301). Эти коми слова для обозначения ветки, видимо, стали употребляться не раньше пракоми периода.

Ландшафтная лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что она сформировалась происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с удмуртами, т. е. в период с IX до XI в. н. э. [1, с. 25]. Поэтому данный разряд лексических единиц употребляется в основном в двух северных пермских языках – коми-зырянском и коми-пермяцком. Генетические соответствия им в удмуртском языке отсутствуют. Среди пракоми образований различаются однословные, двучленные и трехчленные названия. Из числа однословных обозначений в этимологических источниках рассматривается только один пример, для которого реконструируется соответствующая праформа: кп. рас 'роща' (КПРС, с. 400),

кз. рас 'роща' (КРК, с. 558) < общек. *ras 'роща' (КЭСЯ, с. 237).

Остальные однословные названия, а также все композиты и составные структурные типы, как правило, не этимологизируются: кп. оль 'согра (березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)' (КПРС, с. 292), кз. оль 'согра' (КПРС, с. 457); кп. вораин 'лесистое место' (КПРС, с. 83), кз. вораин 'лесистое место' (КРК, 121); кп. козьяин 'ельник' (КПРС, с. 191), кз. козьяин 'ельник' (КРК, с. 281); кп. кыдззаин 'березняк' (КПРС, с. 209), кз. кыддзаин 'березняк' (КРК, с. 228); кп. пипуаин 'осинник' (КПРС, с. 343), кз. пипуаин 'осинник' (КРК, с. 503); кп. понуляин 'место, поросшее хвойным молодыняком' (КПРС, с. 357), кз. понюляин 'молодой ельник' (КРК, с. 514).

Примеры составных обозначений лесного ландшафта из двух или трех слов, совпадающих в обоих коми языках: кп. вөрдор 'опушка леса' (КПРС, с. 83), кз. вөрдор 'опушка леса' (КРК, с. 195); кп. вөрзёттём вөр 'девственный лес' (КПРС, с. 84), кз. вөрзёдльтём вөр 'девственный лес' (КРК, с. 121); кп. корья вөр 'лиственный лес' (КПРС, с. 293), кз. корья вөр 'лиственный лес' (КРК, с. 293); кп. ньыв пу вөр 'пихтовник' (КПРС, с. 281), кз. ньыв пу вөр 'пихтовник' (КРК, с. 443); кп. сора вөр 'смешанный лес' (КПРС, с. 441), кз. сора вөр 'смешанный лес' (КРК, с. 603); кп. сысту вөр 'кедровник' (КПРС, с. 461), кз. сус пу вөр 'кедровник' (КРК, с. 335) и т. д.

В диахронической иерархии анализируемой микросистемы ландшафтной лексики самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-пермяцкие обозначения лесного ландшафта, возникшие после отделения предков коми-пермяков от коми-зырян. Названия данной группы употребляются только в речи носителей современного коми-пермяцкого языка, у других родственных народов, в том числе у коми-зырян, не встречаются. Аналогично обозначениям пракоми происхождения они представляют собой однословные образования и составные названия.

Однословные обозначения являются либо непроизводными, либо производ-

ными названиями. Непроизводные слова состоят только из корневой морфемы: *дзиб* 'густой лес' (КПРС, с. 20). Производные названия кроме корневой части имеют также другие морфологические элементы. Все коми-пермяцкие производные обозначения лесного ландшафта являются суффиксальными образованиями. Система словообразовательных морфем данного структурного типа состоит из суффикса *-я* (*йа*) и форманта *-ин*.

Служебная морфема *-я* (*йа*) считается сложным суффиксом, состоящим из элемента *-j-* и суффикса относительных прилагательных *-а* [5, с. 176]. Она использована для образования следующих слов: *кӧзья* 'ельник' (КПРС, с. 191) (ср. *кӧз* 'ель'), *лӧмья* 'черемушник' (КПРС, с. 234) (ср. *лӧм* 'черемуха'), *шаття* 'молодая рощица' (КПРС, с. 577) (ср. *шати* 'прут') и т. д.

Примеры с морфологическим показателем *-ин* (*-in*): *дзибьяин* 'дремучий лес' (КПРС, с. 120), *тэляин* 'ельник' (КПРС, с. 502), *югытин* 'опушка' (КПРС, с. 588) и т. д. Этот морфологический элемент соответствует кз. *-ин* и удм. *-ни*, ср. кз. *лӧкин* 'дебри, чаща' (КРК, с. 350), *тишӧкӧдин* 'чаща, заросли' (КРК, с. 668), удм. *кызони* 'еловый лес' (УРС, с. 367), *палэзьянни* 'рябинник' (УРС, с. 510) и т. д. Данный формант, употребляющийся в современных коми языках, появился в результате морфологизации самостоятельного слова *ин* 'место' [5, с. 147], восходящего к ф.-у. *ǫnz* 'место, местность' (Rédei, 1988, с. 592).

Составные названия в системе коми-пермяцких обозначений лесного ландшафта представляют собой сочетания из двух или трех слов, структурные образования с большим количеством составных частей здесь отсутствуют.

Двучленные названия образованы по трем структурным моделям.

1. Структурная модель «существительное + существительное»: *кӧз пиян* 'еловая поросль' (*кӧз* 'ель', *пиян* 'поросль'), *кӧр нити* 'ягель' (*кӧр* 'олень', *нити* 'мох'), *лыс ем* 'игла хвой' (*лыс* 'хвоя', *ем* 'игла'), *нъив лыс* 'хвоя пихты' (*нъив* 'пихта', *лыс* 'хвоя'), *парма вӧр* 'тайга' (*парма* 'густой лес', *вӧр* 'лес'), *пу вуж* 'корень дерева' (*пу*

'дерево', *вуж* 'корень'), *пу дын* 'комель дерева' (*пу* 'дерево', *дын* 'комель'), *пу йыв* 'верхушка дерева' (*пу* 'дерево', *йыв* 'верхушка, вершина'), *пу нити* 'лишайник' (*пу* 'дерево', *нити* 'мох'), *тупу вӧр* 'дубовый лес' (*тупу* 'дуб', *вӧр* 'лес') и т. д.

2. Структурная модель «прилагательное + существительное».

2.1. Структурная модель «качественное прилагательное + существительное»: *ляпыт вӧр* 'низкорослый лес' (*ляпыт* 'низкий', *вӧр* 'лес'), *пемыт вӧр* 'дремучий лес' (*пемыт* 'темный', *вӧр* 'лес'), *поснит вӧр* 'подлесок' (*поснит* 'мелкий', *вӧр* 'лес'), *сук вӧр* 'густой лес' (*сук* 'густой', *вӧр* 'лес'), *том вӧрок* 'поросль' (*том* 'молодой', *вӧрок* 'лесок'), *тишӧк вӧр* 'густой лес' (*тишӧк* 'густой, частый', *вӧр* 'лес'), *учӧт вӧр* 'мелколесье' (*учӧт* 'мелкий', *вӧр* 'лес'), *чочком нити* 'ягель' (*чочком* 'белый', *нити* 'мох'), *шоч вӧр* 'редколесье' (*шоч* 'редкий', *вӧр* 'лес') и т. д.

2.2. Структурная модель «относительное прилагательное + существительное»: *вӧра места* 'лесистое место' (*вӧра* 'лесистый', *места* 'место'), *кӧзовӧй вӧр* 'еловый лес' (*кӧзовӧй* 'еловый', *вӧр* 'лес'), *кӧзья вӧр* 'ельник' (*кӧзья* 'еловый', *вӧр* 'лес'), *кыдзовӧй рас* 'березовая роща' (*кыдзовӧй* 'березовый', *рас* 'роща'), *нъивья места* 'пихтовник' (*нъивья* 'пихтовый', *места* 'место'), *пожума вӧр* 'сосновый лес' (*пожума* 'сосновый', *вӧр* 'лес'), *пожума пиян* 'сосновая поросль' (*пожума* 'сосновый', *пиян* 'поросль') и т. д.

3. Структурная модель «существительное + послелог»: *вӧр берд* 'опушка леса' (*вӧр* 'лес', *берд* 'место около чего-либо'). К данному структурному типу следует, видимо, отнести следующие два примера, которые также состоят из двух слов, но являются не свободными, как выше-рассмотренные двучленные образования, а устойчивыми сочетаниями, где одна из частей без другой самостоятельно не употребляется: *пыд: пыд вӧр* 'глухой лес' (КПРС, с. 388), *согра: согра вӧр* 'заболоченный лес' (КПРС, с. 438).

К составным названиям из трех слов относится одно обозначение, образованное по модели «числительное + существительное + существительное»: *кык вӧр ко-*

лас ‘перелесок’ (кык ‘два’, *вөр* ‘лес’, *колас* ‘промежуток’).

Определенную роль в пополнении ландшафтной лексики коми-пермяцкого языка сыграл иноязычный компонент. В составе лексики лесного ландшафта представлен лишь один тип заимствований – названия, проникшие из русского языка. Данная группа обозначений состоит из 13 номинативных единиц:

березник ‘березняк’ (КПРС, с. 24) < рус., ср. *березник* ‘березовый лес’ (СРНГ, вып. 2, с. 252);

бурелом ‘бурелом’ (КПРС, с. 46) < рус., ср. *бурелом* ‘лес, поломанный и сваленный бурей’ (Даль, т. 1, с. 144);

валёжник ‘валежник’ (КПРС, с. 54) < рус., ср. *валежник* ‘сухой лес, целые деревья, вывороченные бурей’ (Даль, т. 1, с. 162);

выскыр ‘поваленное бурей дерево, валежина’ (КПРС, с. 93) < рус., ср. *выскорь*, *выскирь* ‘буреломное дерево, вывороченное с корнем’ (Даль, т. 1, с. 313);

ёлушник ‘ельник’ (КПРС, с. 138) < рус., ср. *ёлушник* ‘еловый лес, ельник’ (СРНГ, вып. 8, с. 350);

кедровник ‘кедровник’ (КПРС, с. 169) < рус., ср. *кедровник* ‘кедровый лес, бор’ (Даль, т. 2, с. 104);

кондовник ‘кондовый (боровый) лес’ (КПРС, с. 183) < рус., ср. *кондовник* ‘сосновый лес, бор’ (СРНГ, вып. 14, с. 247);

лист ‘лист’ (КПРС, с. 223) < рус., ср. *лист* ‘тонкая зеленая пластинка различной формы на черенке (орган воздушного питания и газообмена у растения)’ (СРЯ, т. 2, с. 187);

лишай ‘лишайник’ (КПРС, с. 224) < рус., ср. *лишай* ‘растение низшего разряда, близкое к мхам’ (Даль, т. 2, с. 259);

ствол ‘ствол (дерева)’ (КПРС, с. 451) < рус., ср. *ствол* ‘наземная часть дерева или кустарника, несущая на себе ветви’ (СРЯ, т. 4, с. 257);

тайга ‘тайга’ (КПРС, с. 228) < рус., ср. *тайга* ‘полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки’ (СРЯ, т. 4, с. 331);

чащья ‘чаща, заросли’ (КПРС, с. 529) < рус., ср. *чаща* ‘густой лес, заросли, кустарник, где трудно пройти’ (Даль, т. 4, с. 583);

ягель ‘ягель, олений мох’ (КПРС, с. 592) < рус., ср. *ягель* ‘кустистый беловато-серый лишайник, служащий кормом северным оленям’ (СРЯ, т. 2, с. 615).

Состав рассмотренных выше неисконных лексических единиц свидетельствует о том, что для заимствования обозначений лесного ландшафта коми-пермяками использованы два внешних источника – соседние русские народные говоры (*березник*, *валёжник*, *выскыр*, *ёлушник*, *кедровник*, *кондовник*, *лишай*, *чащья*) и лексика русского литературного языка (*лист*, *ствол*, *тайга*, *ягель*).

Заключение

Таким образом, впервые в пермском языкознании проведено лингвистическое исследование той части словарного фонда коми-пермяцкого языка, которая относится к лесному ландшафту. На основе состава объектов номинации и предназначеного для их номинации набора лексических единиц данная группа названий выделена в отдельную микросистему в составе ландшафтной лексики суши.

Обозначения лесного ландшафта в работе рассмотрены наряду с предметно-понятийным содержанием также на семантическом и структурном уровнях. Исследование показало, что коми-пермяцкая лексика лесного ландшафта имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, в соответствии с хронологией возникновения различаются допермский, общепермский, пракоми и собственно-коми-пермяцкий пласты. Допермский фонд характеризуется наличием всех трех компонентов древней лексики: прауральского, прафинно-угорского и прафинно-пермского. Отличительной чертой слов допермского периода является то, что они сохранились и употребляются как в близкородственных, так и в дальнеродственных языках. Названия, появившиеся в прапермскую эпоху, являются общими для современных пермских языков и не имеют дальнеродственных генетических соответствий (самодийских, обско-угорских, прибалтийско-финских). Отдель-

ную группу древней лексики составляют обозначения лесного ландшафта, возникшие после распада прапермского языка-основы и образования вследствие этого единого пракоми языка. Самыми поздними являются собственно коми-пермяцкие образования, которые кроме исследуемого языка больше нигде не встречаются. Структурно-словообразовательная система лексики лесного ландшафта данной хронологической группы представлена наряду с однословными непроемными

ми словами, совпадающими с лексемами древнего происхождения, производными обозначениями с двумя видами суффиксальных морфем. Многокомпонентные конструкции, состоящие из двух или трех слов, образованы по четырем структурным моделям с использованием таких частей речи, как существительное, прилагательное, числительное и послелог. Неисконная часть лексики лесного ландшафта представлена поздними заимствованиями русского происхождения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>диал.</i> –	диалектное слово	<i>КПК</i> –	Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 816 с.
<i>кз.</i> –	коми-зырянский язык	<i>КЭСКЯ</i> –	Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
<i>коч.</i> –	кочевский говор коми-пермяцкого языка	<i>Рогов, 2006</i> –	Рогов Н. Пермско-русский и русско-пермский словарь. Кудымкар, 2006. 430 с.
<i>кп.</i> –	коми-пермяцкий язык	<i>РКС</i> –	Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003. 1104 с.
<i>общек.</i> –	общеккоми язык-основа	<i>РУС</i> –	Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956. 1360 с.
<i>общеп.</i> –	общепермский язык-основа	<i>СРНГ</i> –	Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1966. Вып. 2. 314 с.; 1972. Вып. 8. 369 с.; 1978. Вып. 14. 376 с.; 1980. Вып. 16. 376 с.
<i>ош.</i> –	ошибский говор коми-пермяцкого языка	<i>СРЯ</i> –	Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1982. Т. 2. 736 с.; 1983. Т. 3. 725 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
<i>перен.</i> –	переносное значение	<i>УРС</i> –	Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.
<i>разг.</i> –	разговорное слово	<i>Rédei, 1988</i> –	Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988. Band 1–2. 906 s.
<i>Рог.</i> –	примеры из словаря Рогова в КПК	<i>Uotila, 1938</i> –	Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938. 198 p.
<i>рус.</i> –	русский язык	<i>Wichmann, 1923–1924</i> –	Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. FUF XVI. Helsinki, 1923–1924. P. 185–212.
<i>сев.</i> –	северное наречие коми-пермяцкого языка		
<i>удм.</i> –	удмуртский язык		
<i>ур.</i> –	уральский праязык		
<i>усол.</i> –	усольский говор коми-пермяцкого языка		
<i>ф.-п.</i> –	финно-пермский праязык		
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский праязык		
<i>Даль</i> –	Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1989. Т. 1. 699 с.; 1989. Т. 2. 779 с.; 1991. Т. 4. 683 с.		
<i>КПК</i> –	Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985. 624 с.		
<i>КПКР</i> – <i>РКПС</i> –	Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993. 288 с.		

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.
2. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва: Наука, 1974. 484 с.
3. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 2. С. 252–261.
4. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Северно-русские говоры. Вып. 17. Санкт-Петербург, 2018. С. 107–122.
5. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 392 с.
6. Хайду П. Уральские языки и народы. Москва: Прогресс, 1985. 430 с.

Поступила 19.12.2019, опубликована 18.05.2020

FOREST LANDSCAPE NOMINATION IN THE KOMI-PERMYATSKY LANGUAGE

Anatoly N. Rakin,

*Doctor of Philology, Senior Research Fellow,
Institute of Language, Literature and History, Komi Research Centre,
Ural Branch, Russian Academy of Science
(Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru*

Introduction. The article discusses the nomination of the forest landscape in the Komi-Permyatsky language, a separate microsystem, as a part of the terrestrial landscape vocabulary. It has its own structural organization, certain composition of nomination objects and a specific set of lexical means for their nomination. The purpose of the article is to establish systemic features typical for this category of nomination only, distinguish it from other components of land vocabulary, determine the composition of the vocabulary, systematize this microsystem and identify the sources and main stages of its formation and development.

Materials and methods. The main source of the material was the vocabulary of the Komi-Permyatsky language contained in lexicographic publications. Additional data was obtained as a result of a survey of native speakers of the Komi-Permyatsky language using a specially developed questionnaire. It also used comparative, historical, synchronous-comparative, descriptive and statistical research methods.

Results and discussion. As a result of the linguistic analysis, a system for the forest landscape nomination in the Komi-Permyatsky language is presented. It is established that unambiguous and ambiguous names are distinguished at the semantic level among nominative units, which, as a rule, have a direct meaning. Based on the subject-conceptual content, the entire set of nominations, in accordance with denotative signs, is classified into six main subgroups. The primordial fund of the microsystem is characterized by the presence of all four components of ancient vocabulary: Pre-Perm, Common Perm, Pracom and the proper Komi-Permyatsky. A part of the native vocabulary that arose during the period of the independent existence of the Komi-Permyatsky language and which does not have genetic correlations with other related languages is analyzed taking into account the specific features of structural and word-building system. As a classification criterion for monomial tokens, it employs the derivative or non-derivative criteria of the words. For compound names it employs the belongings of the components to the corresponding parts of speech. A foreign vocabulary of Komi-Permyatsky words used for the forest landscape consists of one type of borrowing.

Conclusion. The vocabulary of the forest landscape of the Komi-Permyatsky language has ancient origins; its formation and development proceeded over many millennia on the basis of internal resources. The number of borrowings increased in the late periods of the Komi-Permyatsky language as a result of the penetration of the corresponding number of words from the Russian literary language and its northern dialects.

Key words: Komi-Permyatsky language; vocabulary; designations of the forest landscape; primordial fund; borrowings.

For citation: Rakin AN. Forest landscape nomination in the Komi-Permyatsky language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 20–28. (In Russian)

REFERENCES

1. Lytkin VI. Historical grammar of the Komi language. Syktyvkar, 1957. (In Russian)
2. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages). Moskva; 1974. (In Russian)
3. Rakin AN. Hydro-landscape vocabulary of the Komi-Permian language. *Vestnik Marii-skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Mari State University. 2019; 13; 2: 252–261. (In Russian)
4. Rakin AN. Hydro-landscape vocabulary of the Komi language. *Severno-russkie govory* = North Russian dialects. 2018; 17; 107–122. (In Russian)
5. Serebrennikov BA. Historical morphology of Perm languages. Moskva, 1963. (In Russian)
6. Hajdu P. Uralic languages and peoples. Moskva, 1985. (In Russian)

Submitted 19.12.2019, published 18.05.2020